

ЛИТЕРАТУРА

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Т. 5. — М., 1968. — С. 427—433.
2. Нефть СССР (1917—1987 гг.). — М., 1987. — С. 105.
3. Правда. — 1964. — 7 авг.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1936). — Т. 11. — М., 1986. — С. 70.
5. Дружба народов. — 1985. — №9. — С. 208.
6. ТА ЗапСибМВТК. Протоколы заседаний комиссии за 1981—1984 гг. Стенограмма заседания от 25 марта 1982 г., л. 38.
7. Тюменская правда. — 1967. — 27 окт.
8. ТА ЗапСибМВТК. Протоколы заседаний комиссии за 1981—1984 гг. Стенограмма заседания от 26 марта 1982 г., л. 38—39.
9. ГАТюмО, ф. 1933, оп. 1, д. 27, л. 40.
10. Там же.
11. Там же, д. 22, л. 73.
12. Социально-экономические особенности комплексного освоения районов севера Тюменской области. — Тюмень, 1969. — С. 103.
13. ГАТюмО, ф. 1861, оп. 1, д. 161, л. 8.
14. Там же, ф. 1933, оп. 1, д. 17, л. 4.

ЗУБКОВ К. И.

ЗАРУБЕЖНАЯ НЕМАРКСИСТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ФАКТОРАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ СССР

Исторический опыт осуществления советской региональной политики в последнее время вызывает неизменный интерес как в нашей стране, так и за рубежом. Особую актуальность при этом приобретают вопросы факторов и закономерностей индустриального сдвига в восточные районы страны, поскольку это историческое движение, связанное с постепенной интеграцией новых территорий в зону активной экономической жизни страны и имеющее опыт нескольких столетий, представляется одной из важнейших черт развития, доминирующего в русской и советской истории.

Однако в этой истории «восточного сдвига» просматриваются и черты универсального, мирового опыта. При всех различиях в историческом развитии и политико-экономических системах и СССР, и многие крупные капиталистические государства в XX в. решали сходные проблемы радикального изменения территориальных пропорций в экономике, более совершенной, рациональной организации хозяйственной жизни¹. Этим во многом предопределен интерес западной советологии к советскому опыту освоения восточных районов.

В настоящее время структура нашего понимания этого исторического опыта существенно меняется. Масса проблем и негативных тенденций, связанных с просчетами советской региональной политики, остро ставит вопрос об оценке отечественной концепции регионального планирования. В среде советских экономистов, в выступлениях публицистов наблюдаются и крайние выводы, трактующие советское планирование как фикцию, как самую общую тенденцию, постоянно размываемую практикой ведомственного произвола, серьезными экономическими ошибками².

Долгое время советские и зарубежные (главным образом, немарксистские) исследователи подходили к изучению региональной политики на востоке СССР с довольно различными акцентами. Советские ученые чаще всего обращали внимание на общее соответствие экономических оснований «восточного сдвига» и идеологии регионального планирования, делая таким образом вывод об экономически рациональной политике размещения производительных сил СССР. Западные специалисты, напротив, подчеркивали в своих трудах факты расхождения целей регионального планирования и его практических результатов, делая отсюда заключение о многофакторной природе советского регионального планирования, о «конвульсивном» и полном случайностей региональном развитии, следующем различным «вызовам» внешних и внутренних обстоятельств.

Закономерно поднимается вопрос: как отнестись к этому концептуальному расхождению? Думается, что сейчас объективно созрели возможности для выработки сбалансированного, продуманного и ясного взгляда на историю освоения Востока СССР, взгляда, который учитывал бы сильные черты обоих подходов и был бы лишен их полемических крайностей. О том, что проблемная ситуация близка к позитивному разрешению, говорят последние, относящиеся к 80-м гг. концептуальные подходы к проблеме. Уместно в данном контексте зафиксировать наиболее яркие примеры таких концептуальных «прорывов».

В 1980 г. английский историк Т. Данмор в книге «Сталинистская командная экономика» одним из первых нарушил традиционный советологический консенсус относительно особенностей советской «командной» экономики. Он показал, что даже при сталинском диктате, в условиях административно-командной системы общегосударственные цели и плановые пропорции по развитию восточных районов РСФСР, по терминологии автора, так называемого «Ближнего Востока» страны (территории Урала и Западной Сибири — К.З.) постоянно нарушались наркоматами и ведомствами. В этом смысле «командность» советской

экономики — это одна из идеальных, далеких от действительности схем³.

Сибирские экономисты в работе «Тенденции экономического развития Сибири. 1961—1975 гг.» сформулировали задачу ретроспективного анализа экономического развития региона, поставили проблему выявления всей совокупности факторов, воздействующих на региональное развитие, указали на необходимость учета исторической ограниченности в идеологии регионального планирования⁴. В другом коллективном труде экономисты-сибиряки предпринимают попытку фундаментальной разработки проблемы широтного зонирования экономики Сибири, дополняя действующее экономическое (фактически меридиальное) районирование (Западная и Восточная Сибирь) проблемой экономического взаимодействия Юга и Севера региона⁵. Нельзя не видеть в этом стремление к более детальной дифференциации идеологии регионального планирования для специфических территориальных зон.

В 1985 г. на I Всемирном сибиреведческом коллоквиуме в Париже шведский советолог Я.-О. Делленбрант поставил задачу анализа советской региональной политики путем более подробного, поэтапного рассмотрения составляющих эту политику элементов: выработка целей, выбор средств и приемов, осуществление, реальные практические результаты⁶. Близкий подход к анализу советской политики инвестиций осуществляется в своей фундаментальной работе английский экономист Д. Дайкер⁷. Считая, что теоретическим обобщениям и выводам о результатах региональной и отраслевой политики должно предшествовать скрупулезное эмпирическое исследование конкретной практики инвестирования, он намечает ряд фазисов изучения процесса: 1) понимание целей властей, контролирующих инвестиции; 2) борьба регионов и отраслей за капиталовложения и выдвижение на этой основе критерия эффективности инвестиций, который принимается властями; 3) факторы социо-экономико-политической системы СССР, которые могут вызывать отклонения от заранее выдвинутых целей; 4) реальное продвижение в провозглашенных целях плюс ситуации явных неудач и экономических парадоксов, указывающие на ошибки планирования.

Принципиальный смысл всех вышеуказанных подходов — это движение исследователей к пониманию региональной политики в виде исторически конкретного и противоречивого процесса, идущего в борьбе мнений и интересов, опирающегося на многофакторную основу развития сложных социальных систем. Неизбежное в этих случаях сопоставление целей и результатов

развития, анализ его средств, условий и факторов отклонения от магистральной линии подводит в то же время к новому углу зрения на весь процесс — извлечению исторического опыта.

Выработка сбалансированной исторической концепции региональной политики на востоке СССР, демонстрирующая взаимопроникновение и взаимообогащение советских и западных научных подходов, невозможна без решения ряда кардинальных проблем. Одна из них — определение главных общественных факторов территориального сдвига советской индустрии на восток, в частности, роли в этом процессе перспективно планируемой политики. В западной советологии долгое время значение этой политики принижалось. Выделялись, как правило, отдельные исторические «вызовы», самодовлеющие факторы, которые якобы и вызывали основные территориальные сдвиги в экономике, причем эти факторы часто относились к неэкономическим воздействиям. Как подчеркивалось выше, советские исследователи в основном противопоставляли этим точкам зрения вывод о том, что основные пропорции регионального развития задавались перспективной экономической политикой государства. При этом в период застоя вольная или невольная фетишизация роли сильного и всеобъемлющего «государства-партии», наделяемого качествами высшей компетентности, предполагала защиту «обоснованности» и «безошибочности» экономического курса на освоение восточных районов страны.

Решающая роль государственного планирования экономики, централизованной инвестиционной политики в региональном развитии бесспорна. Радикальной переоценке должны подвергнуться природа и происхождение этой государственной политики. Следует, во-первых, признать, что эта политика не была и не могла быть слепком, точным отражением экономических потребностей общества. Под воздействием идеологического догматизма, проявлений некомпетентности, исторически ограниченных представлений сами эти потребности могли оцениваться неадекватно. Во-вторых, несостоятельно и полуофициозное представление о «монолитной воле» Советского государства. В сложноструктурированном советском обществе с мощной иерархией управленческих инстанций общегосударственные интересы в реальности неизбежно дробятся на различные отраслевые, ведомственные, региональные, «лоббистские» и другие секторные интересы, что отражается и на осуществлении региональной политики. Так, например, видный советский экономист А. Г. Гранберг отмечает, что утрата Сибирью в начале 80-х гг. ускорения в развитии «не сводится к отдельным ошибкам в планировании и реа-

лизации плановых решений», а является главным образом следствием узковедомственной экономической практики отдельных министерств⁸.

В-третьих, государство, являясь в СССР главным субъектом развития экономики, одновременно осуществляет другие важные функции — укрепление обороноспособности, регулирование социальных и национальных отношений и др. Эти общественно важные функции, если они требуют крупных инвестиционных и материальных ресурсов, также учитываются и интегрируются в экономической политике. Критический взгляд на роль и функции Советского государства не исключает и допущения того, что многие из этих функций могут воплощать не только потребности общества, но и собственные корпоративные интересы государства. В западной советологии, например, широко распространены представления о том, что создание новых рабочих мест в промышленности союзных республик и массовое привлечение сюда русских мигрантов являлись, помимо всего прочего, в руках Советского государства эффективным средством политического контроля и культурной унификации⁹. К сожалению, советские историки пока что не дали удовлетворительного ответа по поводу возможности и корректности постановки данной проблемы.

Тесно примыкает к данному кругу вопросов и проблема субъективного фактора в принятии и реализации экономических решений. Свойства советской политической системы в «доперестроечный» период, ее крайняя централизация и вертикальная аппаратная ориентация неоднократно провоцировали ситуации, когда выбор инвестиционных вариантов и целых экономических программ ставился в зависимость от личных предпочтений руководителя партии и государства, от различных субъективных влияний. Среди подобных народнохозяйственных проектов, слабо опиравшихся на экономическую экспертизу, западные советологи называют, например, инициированное Сталиным строительство «мертвой дороги» Салехард—Игарка¹⁰. И хотя было бы вульгаризацией согласиться с выводом о полном отсутствии экономических оснований под этим проектом¹¹, нельзя не признать наличия в советской системе управления экономикой значительного простора для принятия субъективистских решений.

С учетом данных соображений можно резюмировать, что региональная экономическая политика складывается на пересечении воздействия разнообразных общественных факторов — экономических, социальных, этнических, политических, идеологических, стратегических — оформляемых в виде императивов экономической политики. Задача историка в данном случае состо-

ит в установлении их сочетаний и иерархии в каждой конкретно-исторической обстановке.

Сложное взаимодействие различных факторов можно наблюдать в опыте осуществления Урало-Кузнецкого проекта — первой крупной инвестиционной программы на востоке страны. Несомненно, в частности, значительная роль стратегического фактора. Концепция строительства «социализма в одной стране», представления того времени о внешней военной опасности заставляли размещать новые предприятия преимущественно в глубинных тыловых районах — урало-сибирском хинтерланде. Этот мотив осознавался уже в конце 20-х гг. Дискуссия на XV съезде ВКП(б), определявшем контуры первого пятилетнего плана, показывала, что наряду с иными аргументами (крупные запасы природных ресурсов, близость широкого неосвоенного потребительского рынка востока страны) в выступлениях делегатов особенно настойчиво подчеркивался мотив укрепления обороноспособности как основы политики размещения производительных сил¹².

Базируясь на этих фактах, ряд западных исследователей довольно скептически оценивает экономическую мотивацию Урало-Кузбасса и отмечает ее подчиненную роль. В. Конолли считает, что проект вызван к жизни в большей мере стратегическими соображениями и идеологическими мотивами более равномерного распределения промышленности по территории страны¹³. Западнгерманские исследователи А. Каргер и К. Либман, не отрицая других соображений, положенных в основу проекта, также подчеркивают ведущую роль стратегического фактора в инициировании Урало-Кузбасса. Этим они, в частности, объясняют торопливый, опрометчивый и часто нереалистичный характер планирования при создании комбината¹⁴.

По мнению других зарубежных исследователей, Урало-Кузбасс, как и другие крупные капиталоемкие проекты развития на востоке страны, отвечали рациональным экономическим соображениям, были рассчитаны на реализацию «долгосрочной максимизации капитальных затрат»¹⁵. Этот взгляд наиболее близок к позициям советских ученых.

Однако данное расхождение во взглядах не следует преувеличивать. Важно то, что в современной советологии намечаются пути интеграции двух подходов. Например, американский политолог А. Уайтинг, стремясь прояснить методологию вопроса о соотношении экономического и стратегического факторов в советских схемах развития, приходит к выводу о том, что «стратегическое измерение» освоения восточных районов СССР прежде всего подразумевает не вопрос о самостоятельном воздейст-

вии военно-стратегического фактора на этот процесс, а скорее то, «какое воздействие это развитие будет иметь на советскую военную мощь»¹⁶.

В этой констатации, на наш взгляд, содержится зерно верного подхода к проблеме: стратегические задачи осуществлялись в той мере, в какой укреплялось индустриальное могущество страны. Последнее вообще рассматривалось как генеральная предпосылка повышения обороноспособности. С этим в известной мере соглашались А. Каргер и К. Либман. Они отмечают, что «приоритет черной металлургии и тяжелого машиностроения объяснялся и декларировался в качестве двигателя индустриализации, будучи одновременно и предпосылкой растущего производства вооружений». Вместе с тем Урало-Кузнецкий проект реализовывал и еще одну важную задачу, непосредственно затрагивавшую территориальные сдвиги в экономике, — он явился экономически связующим звеном между Европейской Россией и Сибирью, плацдармом дальнейшего продвижения индустрии в восточном направлении¹⁷.

Однако опыт тех же 30-х гг. достаточно противоречив и не всегда укладывался в данную схему взаимодействия факторов индустриального развития. Возникали ситуации, когда стратегический фактор вступал в противоречие с соображениями экономической рациональности, перевешивал их в сознании руководства страны. Таково, например, было ускоренное оборонно-промышленное развитие южных районов Советского Дальнего Востока в 30-е гг. Доля этого региона в общесоюзных капитальных вложениях устойчиво росла с 4,8% в 1928—1932 гг. до 7,6% в 1938—1941 гг., в то время как доля других восточных районов РСФСР находилась примерно на одном постоянном уровне¹⁸. Строго говоря, время для такого крупномасштабного освоения Дальнего Востока еще не пришло, в стране имелись более приоритетные экономические выборы. Приоритет, отданный в то время развитию Дальнего Востока, в известной мере нарушал последовательность и поэтапность движения индустрии на восток, которым, как отмечает английский историк С. Кирби, в целом следовала советская политика индустриализации¹⁹. Это объяснялось неотложной необходимостью создания на восточных рубежах страны самообеспечивающегося промышленного комплекса в связи с растущей военной угрозой Японии с территории Маньчжурии. Эти особенности индустриального освоения Советского Дальнего Востока нашли широкое отражение в послевоенной западной историографии. Английская исследовательница К. Стал отмечала, что в отличие от Урала и Центральной Сибири, которые развивались «ради косвенных

целей безопасности, как индустриальные базы для некоторой разгрузки старых упрочившихся регионов Европейской России», Дальний Восток отчетливо занял место в экономике страны «как самообеспечивающийся военный регион с крупной постоянной базой Красной Армии и многочисленными укреплениями»²⁰.

Это явное смещение в иерархии факторов индустриального развития в пользу стратегического императива в тех исторических условиях было вполне оправдано. Как свидетельствовал руководитель американской военной миссии в СССР в годы второй мировой войны Дж. Р. Дин, недостаточная пропускная способность Транссибирской магистрали и возможность ее блокирования японским нападением рассматривались в равной мере и американской, и советской сторонами как реальная угроза изоляции Советского Дальнего Востока от остальной страны²¹.

Вторая мировая война оказала не только прямое, материализованное, но и косвенное воздействие на рост индустрии востока СССР. Осмысление ее итогов существенно повлияло на комбинацию тех факторов, которые учитывались в размещении промышленных мощностей. Как неоднократно отмечалось в зарубежной историографии, новая геополитическая конфигурация сил на международной арене в еще большей степени подводила советское руководство к необходимости наращивать индустриальный потенциал урало-сибирского хинтерланда, равноудаленного от западных, южных и восточных границ страны. Характерно, что еще в 1947 г. Дж. Р. Дин, анализируя на основе личных впечатлений развитие советской индустрии, предсказывал: «По причинам безопасности индустрия, несомненно, будет следовать порожденной войной модели сосредоточения к востоку от Урала...»²². Через тридцать лет, ретроспективно оценивая главные факторы движения советской промышленности на восток, американский эксперт Дж. П. Листер констатирует: «Советская озабоченность угрозой вторжения была отчетливо врезана в сознание современного руководства второй мировой войной... В этом отношении Сибирь рассматривается как резервуар сырьевых материалов, так же как и гигантская буферная зона против реального или осознаваемого вторжения»²³.

Применительно к 50-м гг. данный императив региональной политики практически совпадает по линии действия с одной из ведущих экономических установок того времени — задачей «вовлечения новых источников сырья, топлива, электроэнергии и, прежде всего, мобилизации огромных природных ресурсов восточных районов страны»²⁴, что рассматривалось как условие поддержания высоких темпов роста в экстенсивно ориентированной экономике. В силу этого выделение в региональной поли-

тике периода отчетливого влияния стратегических соображений затруднено.

Эти трудности еще раз подчеркивают важность детального конкретно-исторического анализа региональной политики вместо попыток наложить на процессы индустриализации востока СССР общий трафарет, ограниченный, как правило, констатацией экономических целей. Сложность в данном случае состоит в том, что на прежнем уровне изучения подобные проблемы неразрешимы. В зарубежной немарксистской историографии это противоречие преодолевается лишь частично, путем простой констатации, образно говоря, «нанизывания», всех возможных факторов, влияющих на процесс принятия решений. При этом, как правило, не делается попыток определить конкретную комбинацию факторов, их иерархию и удельный вес в определении региональной политики. В лучшем случае высказываются выводы, основанные на достаточно произвольном выделении приоритетных факторов регионального развития.

Однако это имеет и позитивные следствия. Несмотря на категоричные, подчас упрощенные трактовки факторного взаимодействия, западные исследователи формулируют широкий набор гипотез, которые существенно углубляют представления о многомерности советской региональной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Economics of Soviet regions/Ed. I. S. Коропецкy j & G. E. Schroe-der. — N. Y., 1981. — P. 1—2.
2. См.: «Круглый стол» «ЛГ» «Экономика на перепутье»//Литературная газета, 1987, 3/6. — № 23(5141). — С. 10.
3. Dunmore T. The Stalinist Command Economy. The Soviet State Apparatus and Economic Policy 1945—1953. — L.; Basingstoke, 1980.
4. Тенденции экономического развития Сибири. 1961—1975 гг. — Новосибирск: Наука, 1980.
5. Экономика Сибири в разрезе широтных зон. — Новосибирск: Наука, 1985.
6. Dellenbrant J. A. The Role of Siberia in Soviet Regional Development Policy//Sibérie I. Questions Sibériennes: Economie, Ecologie, Stratégie. — Paris, 1985. — P. 57—72.
7. Duker D. A. The Process of Investment in the Soviet Union. — Cambridge, 1983.
8. Гранберг А. Г. Экономика Сибири — задачи структурной политики//Коммунист. — 1988. — № 2. — С. 33.
9. Khasanov A. The Current Ethnic Situation in the USSR//Notes from the Harriman Institute Seminar on Soviet Republics and Regional Issues. — Vol. 1. — No. 9. — May 5. — 1989. — P. 1.
10. Connolly V. Siberia Today and Tomorrow. A Study of Economic Resources: Problems and Achievements. — L.; Glasgow, 1975. — P. 161.
11. О проблеме экономических мотиваций см., напр.: Славин С. В. Промышленное и транспортное освоение севера СССР. — М., 1961. — С. 203—209.
12. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — Т. 11. — М., 1935. — С. 801, 824, 870.

13. Conolly V. Op. cit., p. 47.
14. Karger A., Liebmann C. Sibirien. Strukturen und Funktionen ressourcenorientierter Industrienwicklung. — Köln, 1986. — S. 14.
15. Cohn S. Economic Development in the Soviet Union. — Lexington, 1970. — P. 529; Dunmore T. Op. cit., p. 32.
16. Whiting A. S. Siberian Development and East Asia: The Strategic Dimension//Soviet Natural Ressources in the World Economy. — Chicago; L., 1983. — P. 232.
17. Karger A., Liebmann C. Op. cit., s. 14.
18. Капитальное строительство в СССР. — М.: Госстатиздат, 1961. — С. 114—115.
19. Kirby E. S. The Pattern of Siberian Development: Actual and Potential//Exploitation of Siberia's Natural Ressources. Main findings of Round Table held 30-th Jan. — 1st. Febr. 1974 in Brussels. — Brussels, 1974. — P. 47.
20. Stahl K. British anf Soviet Colonial Systems. — L., 1951. — P. 81.
21. Deane J. R. The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at War-time Co-operation with Russia. — N. Y., 1947. — P. 256, 271.
22. Ibid., p. 327.
23. Lister J. P. Siberia and the Soviet Far East: Exploitation Policies in Energy and Raw Materials Sectprs: An Economic Assessment//Regional Development in the USSR. — Brussels, 1979. — P. 162.
24. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — 8-е изд. — Т. 7. — М., 1971. — С. 104.

Э. П. ПОДАЛКО

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЯПОНСКОГО СИБИРЕВЕДЕНИЯ

Роль Сибири, созидательная деятельность советского народа по освоению ее природных богатств в последние десятилетия все более привлекают внимание немарксистской историографии. В советской исторической науке анализу зарубежных концепций уделено значительное внимание: разработаны методологические принципы анализа и критики, дана классификация ряда западных школ сибиреведения. Но в основном это касалось изучения работ англо-американских и западногерманских авторов.

В то же время до сих пор практически не уделялось внимания японской историографии истории СССР вообще, и Сибири в частности. Между тем, сибиреведение в Японии в последнее время развивается весьма динамично, о чем свидетельствует появление значительного числа работ, принадлежащих перу видных историков, экономистов, политологов, специалистов по торговым операциям.

Интерес японских авторов к сибирским проблемам не случаен. Сибирь и Дальний Восток — это важнейшие районы нового промышленного освоения. К ним относятся газовые районы